

Янь Юйсюань, хоть и был польщен, уступить место не собирался.

Чу Е, у которого и без того раскалывалась голова от хмеля, окончательно вышел из себя. Нетерпеливо пнув наглеца ногой, он бросил:

— Ты что, ширма? А ну, отойди!

Как бы Янь Юйсюань ни противился, ему пришлось подчиниться. Он вовсе не желал навлечь на себя гнев князя.

Когда он отступил, Чу Е увидел, что Цзян Вэньцзин успел снять лишь верхнюю одежду, при этом не сводя с него прямого, вызывающего взгляда.

Снова этот упрямый вид — ни страха, ни покорности, готов идти на смерть, но не склониться.

Чу Е, глядя на него, невольно усмехнулся:

— Если ты и впрямь не боишься смерти, то нечего разыгрывать комедию. Можешь прямо заявить о своем неповиновении. А так... подобные ужимки лишь разжигают во мне желание укротить тебя, словно дикого пса.

Он не то чтобы нарочно торопил события — просто того требовал сценарий.

Произнеся это, Чу Е сам поежился. Честное слово, слова звучали пошло, гадко и до крайности вызывающе.

Чу Е подумал, что прежний владелец тела, скорее всего, умер не от болезни, а от собственного поганого языка!

Лицо Цзян Вэньцзина помрачнело еще сильнее. Никому не понравится, когда его называют диким псом, да еще и обвиняют в соблазнении.

Чу Е и сам был того же мнения: этот князь, в чьем теле он оказался, был редкостным мерзавцем!

Пересилив себя, Чу Е сделал вид, что не замечает сдерживаемого гнева в глазах Цзян Вэньцзина, и продолжил язвить:

— Знаешь, какие мысли вызывает у людей твой упрямый взгляд?

Цзян Вэньцзин молчал, в его глазах полыхала ярость.

— Хочется вырвать все твои острые шипы, медленно сломить тебя, чтобы от прежней гордости не осталось и следа, — Чу Е говорил это, нарочито изображая хищный оскал, — чтобы ты стал как покорный пес, лишенный когтей и клыков, и лишь беспомощно подставлял брюхо для ласки.

Чу Е приподнял уголки губ в порочной, развязной усмешке. Его лицо, покрасневшее от вина, с родинкой у уголка глаза, казалось мягче и лишилось былой холодности. В этот миг он выглядел настолько обольстительно, что злиться на него было почти невозможно.

В этот момент он совсем не походил на угрозу. Напротив, он сам напоминал маленького котенка, который пытается казаться грозным, но не внушает ни капли страха.

Будь на месте Цзян Вэньцзин кто-то другой, он бы наверняка поверил словам князя — ведь тот славился своим крутым нравом и привычкой всегда добиваться своего.

Но перед ним был не кто иной, как упрямый осел Цзян Вэньцзин.

Из-за своего твердого характера он немало натерпелся на службе, и те обиды, что он пережил, были куда серьезнее, чем пустая болтовня Чу Е.

И все же, к удивлению Чу Е, вместо того чтобы вспыхнуть от оскорблений, этот маленький ослик вдруг затих, словно ничего не слышал.

А ведь еще мгновение назад он буравил его яростным взглядом...

Постойте, почему он вдруг стал таким спокойным?

Неужели он и правда испугался моих слов?

Цзян Вэньцзин, ты ли это? Где же твой стальной характер? Давай, возрази мне!

Но желаемого Чу Е не дождался. Цзян Вэньцзин лишь равнодушно скользнул по нему взглядом и продолжил раздеваться.

Оставшись в одной исподней рубаше, он помог брату снять верхнюю одежду, а затем лег на тахту, затихнув, словно мертвец.

Чу Е опешил: «...И почему ты вдруг решил играть не по правилам?»

Неужели мои слова оказались настолько убедительными?

И еще...

Чу Е обернулся к Янь Юйсюаню, который продолжал сидеть с голым торсом, и на мгновение замер. Почему он все еще в сознании?

— Ты что, не хочешь спать? — не удержался Чу Е.

Янь Юйсюань моргнул, не понимая вопроса:

— Нет, я сейчас так взволнован! — а затем добавил смущенно: — Князь, то, как вы сейчас ругались... это было совсем не похоже на вас прежде.

Разве действие лекарства не должно было уже начаться? Неужели управляющий перепутал снадобье?!

Чу Е, слушая его, рассеянно спросил:

— ...И чем же я отличаюсь?

Янь Юйсюань ответил:

— Раньше вы излучали величие, вызывая трепет, а теперь... вы стали немного, немного...

Не успел он договорить, как вдруг, несмотря на свое возбужденное состояние, рухнул лицом на стол и потерял сознание. Этот внезапный глухой удар напугал Чу Е.

Он потыкал Янь Юйсюаня пальцем, убедился, что тот не реагирует, и поспешил к братьям на тахту.

Цзян Вэньшэн, опьянев, уже крепко спал, а Цзян Вэньцзин, который до последнего держался бодрым, наконец поддался действию дурмана и отключился.

На всякий случай Чу Е изо всех сил растолкал их.

Янь Юйсюань и Цзян Вэньшэн не подавали признаков жизни, но Цзян Вэньцзин, обладавший невероятной силой воли, при тряске едва заметно шевельнулся.

Сердце Чу Е екнуло, и он замахнулся, чтобы ударить его по голове и окончательно вырубить.

Цзян Вэньцзин, словно почувствовав угрозу, перехватил его руку. Даже будучи в

полубессознательном состоянии, он обладал силой быка — одним рывком он притянул Чу Е к себе.

Внезапная перемена застала Чу Е врасплох, и когда он попытался вырваться, было уже поздно.

— Отпусти меня! — прошипел Чу Е, прижатый к его груди.

Вместо того чтобы испугаться, он почувствовал резкую боль в запястье — Цзян Вэньцзин, сам не ведая что творит, впился зубами в его руку.

— Ай, больно!

Чу Е попытался выдернуть руку, но Цзян Вэньцзин держал намертво.

Укусив, он начал облизывать рану, отчего у Чу Е от ужаса расширились зрачки. Взгляд, которым он одарил его, стал крайне подозрительным.

Ну надо же! А я-то думал, Цзян Вэньцзин — благородный муж, а он, оказывается, скрытый извращенец!

Называть его диким псом было ничуть не преувеличением!

— Больно! Цзян Вэньцзин, ты обнаглел! А ну отпусти!

Чу Е злился и паниковал одновременно. Влага на запястье заставляла его нервничать, он хотел кричать, но боялся разбудить остальных.

Боль была невыносимой, а Цзян Вэньцзин никак не разжимал челюсти. Они боролись довольно долго, пока наконец действие лекарства не взяло свое — зубы ослабили хватку, и Цзян Вэньцзин без чувств повалился на кровать.

Убедившись, что все в порядке, Чу Е наконец смог перевести дух.

Он потратил слишком много времени, и силы были на исходе. Собрав остатки воли, он поспешил раздеть их и оставить на телах следы — чтобы все выглядело правдоподобно, Чу Е, словно кошка, исцарапал им кожу ногтями.

Не обошлось и без личных счетов: он с особым усердием впился ногтями в грудь и спину Цзян Вэньцзина.

Силы он не жалел, так что на коже остались глубокие кровавые полосы.

Когда с этим было покончено, Чу Е был весь в поту. Тело охватила слабость, в глазах плыло, и его тошнило.

Решив, что времени достаточно, он выбежал из комнаты к борту судна и наконец позволил себе выплеснуть все наружу.

Разве это отдых? Это была настоящая битва! Репутация — в клочья, тело — разбито, а запястье...

Чу Е жалобно подул на руку. На бледной коже красовался четкий кровавый след от зубов. Похоже, заживать это будет не один день.

<http://bllate.org/book/22477/2367715>